

12. Sobol T. An NGO's fight to save Ukraine's Danube delta: The case for granting nongovernmental organizations formal powers of enforcement / Tanya D. Sobol // Colorado Journal of International Environmental Law and Policy. – 2006. – Vol. 17. – P. 123-163.
13. Rebasti E. A legal status for NGOs in contemporary international law? / Emanuele Rebasti and Luisa Vierucci; Workshop on 'A legal status for NGOs in contemporary international law? A Contribution to the Debate on «Non-State Actors» and Public International Law at the Beginning of the Twenty-First Century' 2002. – Mode of access: www.esil-sedi.eu/fichiers/en/VierucciRebasti_971.pdf
14. Gemmill B. The role of NGOs and civil society in global environmental governance / Barbara Gemmill and Abimbola Bamidele-Izu // Esty D. C. and Ivanova M. H. (eds.). Global environmental governance, options and opportunities. – Yale Center for Environmental Law and Policy, New Haven, 2002. – P. 1-24.
15. Operational guidelines for the implementation of the World Heritage Convention. – 2 February 2005, WHC. 05/2. – Para. 31. [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://whc.unesco.org/archive/orguide05-en.pdf>
16. Копылов М. Н. Международно-правовые основы структуры и деятельности Всемирного фонда дикой природы / М. Н. Копылов // Московский журнал международного права. – 2006. – № 2. – С. 136 – 145.
17. Ушаков Н. А. Проблемы теории международного права / Н. А. Ушаков / отв. ред. д. ю. н., проф. А. И. Иойрьш; Академия наук СССР, Институт государства и права. – М. : Наука, 1988. – 191 с.

УДК: 316.334

*Осітова С. А., Придністровський державний
університет ім. Т. Г. Шевченка*

НЕПРИЗНАННЫЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ КАК ФАКТОР МЕЖДУНАРОДНОЙ И РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

У статті розглядається місце і роль невизнаних державних утворень у світовій політиці крізь призму їх впливу на систему міжнародної та регіональної безпеки. Автором представлено аналіз проблеми невизнаних держав як показника спроможності міжнародного співтовариства сприяти розв'язанню «заморожених» конфліктів не насильством, а шляхом переговорів і політико-правового регулювання.

В статье рассматривается место и роль непризнанных государственных образований в мировой политике сквозь призму их влияния на систему международной и региональной безопасности. Автором представлен анализ проблемы непризнанных государств как показателя способности международного сообщества содействовать решению «замороженных» конфликтов не насилием, а путем переговоров и политико-правового регулирования.

The article discusses the role and place of the unrecognized state entities in the world politics through the prism of their influence upon the system of international and regional security. The author presents the analysis of the problem of unrecognized states as an indicator of the ability of the international community to support solving the «frozen» conflicts not by violence but by means of negotiations, political and legal regulation.

Окончание холодной войны и связанный с ней комплекс перемен на политической карте мира обусловили возрастание роли и места региональных подсистем международных отношений в мировой политике, а также процессов, происходящих в них. Во многом обозначенные изменения коснулись механизма обеспечения региональной безопасности как важнейшей составляющей международной безопасности и одновременно необходимого условия национальной безопасности.

Международная безопасность представляет собой характеристику международных отношений, включающую такие показатели, как стабильность развития, защищенность от внешних угроз, обеспечение суверенитета и независимости государств. Основными способами обеспечения международной безопасности являются: двусторонние договоры об обеспечении взаимной безопасности между заинтересованными странами; объединение государств в многосторонние союзы; всемирные международные организации, региональные структуры и институты для поддержания международной безопасности; демилитаризация, демократизация и гуманизация международного политического порядка, установление верховенства права в международных отношениях.

В современном мире международная безопасность обеспечивается на различных геополитических уровнях, которые образуют единую иерархическую систему всемирного масштаба. В зависимости от масштабов проявления различают национальный, региональный и глобальный уровни международной безопасности. Такая типология связана с важнейшими пространственными категориями геополитической теории – государственная территория; геостратегические и геополитические регионы; мировое геополитическое пространство.

Геостратегический регион образуется вокруг государства или группы государств, играющих ключевую роль в мировой политике,

и представляет собой большое пространство, в которое, помимо территорий регионообразующих стран, входят зоны их контроля и влияния. Число подобных регионов ограничено, но именно они определяют расположение центров силы в мировом сообществе. Эти регионы состоят из геополитических пространств меньшей величины, называемых геополитическими регионами. Геополитический регион – это часть геостратегического региона, отличающаяся более тесными и устойчивыми политическими, экономическими и культурными связями, он более ограничен и контактен.

Отталкиваясь от приведенных определений, можно сделать вывод, что государства, так или иначе связанные с проблемой признания, расположены в зонах геополитических регионов.

Под региональной безопасностью в политической науке понимается система соотношений между странами тех или иных регионов мира, при которой государства располагают возможностью суверенного определения форм и путей своего экономического, политического и культурного развития, свободны от угрозы войн, экономических и политических диверсий, а также вмешательства в их внутренние дела. Региональная безопасность, как уже отмечалось, является органической частью международной безопасности и формой реализации безопасности национальной.

Региональная безопасность – это такое состояние конкретного региона, при котором он, с одной стороны, способен противостоять дестабилизирующему воздействию внешних и внутренних социально-экономических угроз, а с другой – его функционирование не создает социально-экономических (финансовых, информационных и др.) угроз для элементов самого региона и внешней среды. Отсюда вытекает триединая задача обеспечения безопасности региона: во-первых, создание в регионе социально-экономических ресурсов, необходимых и достаточных для принятия решений и действий, не наносящих ущерба безопасности региона и способствующих его устойчивому развитию; во-вторых, защита социально-экономических ресурсов региона (включая их защиту от нерационального использования, разрушения и тому подобных действий, наносящих ущерб безопасности региона, и защиту региона от внешнего социально-экономического воздействия (или вторжения), наносящего ущерб безопасности региона); наконец, в-третьих, организация социально-экономического взаимодействия региона с внешней средой, не наносящего ущерба безопасности внешней среды и способствующего устойчивому развитию региона в этой среде.

Проблема непризнанных государственных образований и их влияния на ход мирового политического процесса стала одним

из важнейших направлений развития систем региональной безопасности в современном мире. Связано это прежде всего с тем, что непризнанные государства, возникшие в последнее десятилетие XX в., входят в зону политических и иных интересов наиболее влиятельных акторов современного этапа развития мировой истории. Большинство современных непризнанных государств являют собой субнациональные регионы, которые отделились от государств-метрополий. Некоторые из них пользуются военной, экономической, политической и часто неформальной дипломатической поддержкой третьих стран, заинтересованных в их существовании.

После распада СССР в условиях разрушения баланса интересов биполярного мира в рамках проблемы обеспечения евразийской региональной безопасности возникли актуальные для поступательного общественного развития задачи обеспечения глобальной и региональной безопасности. Место и роль непризнанных государств в современной системе международных отношений с позиций безопасности противоречивы, так как сочетают в себе реализацию прав народов на самоопределение – с одной стороны, и формирование дестабилизирующего, конфликтообразующего фактора мирового политического процесса – с другой.

Глава 8 «Региональные отношения» Устава ООН, раскрывающая сферу компетенции и пути обеспечения региональной безопасности, предусматривает мирное урегулирование споров, предупреждение конфликтов между членами региональной системы; организацию коллективных мер по пресечению актов агрессии и устранению угрозы миру; превентивную дипломатию, поддержание, установление и укрепление мира в постконфликтный период [1]. Региональная безопасность формируется через региональные соглашения. Из совокупности таких соглашений, организаций и структур и образуется региональная система безопасности.

Трансформационные процессы, начавшиеся в Европе в конце 1980 – начале 1990-х годов, положили начало открытой ревизии принципов вестфальского мира и создали тем самым угрозу европейской (а в перспективе – и глобальной) безопасности. О кризисе и фактическом отказе мирового сообщества от принципов вестфальской системы свидетельствуют многочисленные примеры из новейшей истории. Так, статус государства-члена ООН не стал для Югославии иммунитетом от интервенции. Более того, результаты неправомочного вмешательства (упразднение структур югославской государственности в Косово) были де-факто (а отчасти и де-юре) признаны на международном уровне. Между тем, признание результатов внешней агрессии, совершенной в отношении государств-членов ООН,

с правовой точки зрения ничуть не более оправданно, чем признание результатов внутренних движений самоопределения, возникших в рамках республик бывшего СССР.

И дело здесь, на наш взгляд, не только и не столько в обеспечении международных правил игры, сколько в их изначальной двусмысленности. Вопрос о признании или непризнании де-факто сформированных государств не имеет однозначного нормативного решения в рамках сложившейся системы международного права. Эта система не просто противоречива – она заведомо антиномична, т. е. основана на соотношении несовместимых друг с другом принципов – принципа территориальной целостности государств и принципа права наций на самоопределение. Один из ведущих американских политологов и социологов А. Этциони, соглашаясь в целом с высокой степенью важности роли самоопределения, в то же время отмечает, что оно не может трактоваться как абсолютная ценность, применяемая для всех. С помощью права наций на самоопределение, по его мысли, можно сделать мир более справедливым. Вместе с тем, несмотря на положительную роль этого права в предшествующие периоды, в настоящий момент оно не предстает перед мировым сообществом в своей первоначальной чистоте и часто поощряет сепаратизм и хаос [2]. По мнению А. Этциони, юристам и политикам надо предпринимать более энергичные действия и вводить право наций на самоопределение в более четкие правовые рамки.

События 2008 г., связанные с признанием частью мирового сообщества во главе с США независимости Косово, а Российской Федерацией – Абхазии и Южной Осетии, с одной стороны обострили ситуацию вокруг непризнанных государств, с другой – показали возможные пути ее разрешения. При этом не стоит забывать, что хотя актуальность проблемы непризнанных государств и их роли в мировом политическом процессе возросла после событий 1990-х годов, связанных с распадом социалистических федераций, сама проблема возникла задолго до обозначенных событий, и в современном мире существуют пятнадцать государств, статус которых определяется как «частично признанные государства», а также Приднестровье, Нагорный Карабах и многочисленные государства, существующие на обломках Сомали, непризнанные на текущий момент истории ни одним из государств, входящих в мировое сообщество [3]. Нетрудно заметить, что становление, развитие и борьба этих государств за международное признание практически всегда были сопряжены с вооруженным конфликтом, что не могло не отражаться на системе региональной безопасности.

Международное обязательство воздерживаться от использования или угрозы использования силы является нормой международного обычая, зафиксированная, например, такими международными политико-правовыми актами, как решения Международного Суда ООН. Но в политической практике эта норма в угоду узких политических расчетов практически не работает. В процесс урегулирования конфликтов вокруг непризнанных государств втягивается все большее число акторов мировой политики. Зачастую их действия весьма далеки от задач установления прочного мира в конфликтных регионах, диктуются стремлением к переделу сфер влияния в мировом политическом пространстве. Не дают результатов и попытки более активного подключения к переговорному процессу международных структур: усилия таких организаций, как ОБСЕ, ЕС, НАТО, оказываются значительно менее эффективными, чем можно было ожидать.

Политика двойных стандартов относительно тех или иных непризнанных государств еще больше размывает и без того «слабое» международное право. Складывание глобальной гегемонии США имеет региональное продолжение на Кавказе, Балканах, Ближнем Востоке и др. геополитических регионах. Ставка на силу в международных отношениях подкрепляется утверждениями ряда западных авторов о том, что метропольные государства свободны в применении силы для законного восстановления своей территориальной целостности.

Так, сотрудник Института исследований вопросов безопасности ЕС Д. Линч в работе «Сепаратистские страны Евразии: неразрешенные конфликты и де-факто государства» заявляет, что ликвидация сепаратистских режимов путем применения силы метропольным государством не может быть исключена. По его мнению, сепаратистский режим не защищен нормами, действующими в отношении остальных государственных образований и не обладает жизнеспособностью независимых суверенных государств [4]. Такой подход, на наш взгляд, не выдерживает никакой критики. По мнению известного российского политолога С. М. Маркедонова, проблему непризнанных государств нельзя сводить только к формально-юридическому формату. Как феномен они не могут быть исследованы и поняты исключительно в правовых терминах. Само создание непризнанных государств и начало борьбы за их признание – факты эмоционально-символического и социокультурного плана, без учета которых невозможно эффективное урегулирование межэтнических и иных споров как неизбежного спутника этих особых государственных образований [5]. Де-факто государства не просто были провозглашены. Они существуют в течение длительного времени, демонстрируя позитивную внутреннюю внешнеполитическую динамику, обладают реальным суверенитетом

и являются активными субъектами экономических, культурных и иных международных отношений. Единственный признак, отличающий их от партнеров по международному сотрудничеству, заключается в том, что их суверенитет не признан мировым сообществом и отдельными его представителями.

В 2005 г. директор Кавказского проекта Международной Кризисной Группы – Ч. Фрейзер в одном из своих выступлений предупредила, что угроза применения Азербайджаном силы для восстановления территориальной целостности реальна, а продолжающаяся оккупация азербайджанских территорий на фоне стремительно вооружающегося Баку дает Азербайджану лишний повод для нападения [6]. Это высказывание характеризует общий подход многих политиков в Азербайджане, Грузии и Молдове по отношению к регионам, отделившимся от этих бывших советских республик в начале 1990-х годов, еще до формального распада СССР – в полном соответствии с действовавшим на тот момент советским законодательством и нормами международного права. Поэтому большинство специалистов в области международных отношений распространяют принцип запрета на угрозу силой или ее применение и на формально признанные в ООН государства, и на государства, являющиеся таковыми де-факто. Именно в этом ключе следует интерпретировать первый принцип Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН о дружественных отношениях, который гласит: «Каждое государство обязано воздерживаться от угрозы силой или ее применения с целью нарушения таких международных демаркационных линий, как линия соприкосновения вооруженных сил, установленная или соответствующая международному соглашению, стороной которого оно является или в силу каких-либо причин обязано уважать» [7].

Согласно интерпретации Дж. Фроуайна, это положение относится и к нынешним границам де-факто режимов [8]. В случае с постсоветскими самоопределившимися государствами все эти линии были установлены соглашениями о прекращении огня. Данные соглашения заключались между метрополиями и де-факто режимами, они не имеют предельного срока действия, и ни одна сторона не вправе денонсировать их. В случае с Нагорным Карабахом, например, заключив в мае 1994 г. соглашение о прекращении огня, Азербайджан признал необходимость участия НКР в подписании данного соглашения. Последующее исключение Нагорного Карабаха из числа участников переговорного процесса создало беспрецедентно абсурдную ситуацию, когда одна из сторон признает военную субъектность оппонента, но в то же время не ведет с ним переговоры, не признавая его политическую субъектность в послевоенный период.

Основной аргумент сторонников применения силы в конфликтах вокруг непризнанных государств состоит в том, что «мятежные» территории не являются самостоятельными субъектами международного права, ибо они не признаны международным сообществом. Применительно к конфликтам на постсоветском пространстве многими авторами неоднократно отмечалась равная правосубъектность непризнанных государств с их бывшими метрополиями, так как и Абхазия, Южная Осетия, Приднестровье и Нагорный Карабах – такие же продукты распада СССР, как Грузия, Молдова и Азербайджан. Все четыре государственных образования являются полноправными участниками соответствующих соглашений о прекращении огня и получили де-факто признание во многих других сферах своей деятельности (поддержание режима прекращения огня, гуманитарные контакты, экономическое сотрудничество и т. д.).

Проблема непризнанных государств – важный показатель способности международного сообщества содействовать решению «замороженных» конфликтов не насилием, а путем переговоров и политико-правового регулирования. Новый политический порядок должен формироваться на основе принципов демократизации, демилитаризации, гуманизации партнерских отношений. Именно такой подход, на наш взгляд, будет способствовать выработке эффективной модели разрешения конфликтов и недопущению повторения агрессии в зоне политического становления непризнанных государственных образований. Необходима также скорейшая выработка правовых критериев их признания. Все это вместе взятое и будет способствовать формированию эффективной системы международной и региональной безопасности.

Література:

1. Устав Организации Объединенных Наций. – Гл. 8 // Практикум по международному публичному праву [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://folium.boom.ru/DATA.002/000.txt>
2. Этциони А. От империи к сообществу: новый подход к международным отношениям / А. Этциони. – М. : Ладомир, 2004. – С. 217.
3. Неполноценные члены сообщества. Абхазии и Южной Осетии не хватает признания 190 членов ООН // Коммерсантъ. – 2008. – № 177 (3994) – 1 октября.
4. Цит. по: Аршев А. Неприменение силы как принцип решения проблемы непризнанных государств // Сообщество «За демократию и права народов». Официальный сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://community-dpr.org/news/world/news_full.php?nid=693&

5. Маркедонов С. СНГ: Война за «свою» землю. К определению природы феномена непризнанных государств бывшего СССР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.polit.ru/analytics/2005/08/03/outflow.html>
6. Цит. по: Арешев А. Указ. соч.
7. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № 2625 (XXV) «Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН» от 24 октября 1970 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/russian/ga/25/docs/res25_1.htm
8. Цит. по: Арешев А. Указ. соч.

УДК 341.232.2:339.732.4

Шперун Х. В., ЛНУ ім. І. Франка

ПОНЯТТЯ ТА ОЗНАКИ СВІТОВОЇ ВАЛЮТНОЇ СИСТЕМИ: МІЖНАРОДНО-ПРАВОВИЙ АСПЕКТ

Стаття присвячена міжнародно-правовим проблемам функціонування світової валютної системи. Розглядаються базові підходи до визначення поняття «світова валютна система», «міжнародна валютна система» та інших суміжних понять. Визначаються основні ознаки світової валютної системи. Вказується на ключову роль міжнародного права у регулюванні проблем, які виникають у процесі роботи світової валютної системи.

Статья посвящена международно-правовым проблемам функционирования мировой валютной системы. Рассматриваются базовые подходы к определению понятия «мировая валютная система», «международная валютная система» и других смежных понятий. Определяются основные признаки мировой валютной системы. Указывается на ключевую роль международного права в регулировании проблем, возникающих в процессе работы мировой валютной системы.

The article is devoted to international legal problems of the global monetary system functioning. We consider the basic approaches to the definition of "global currency system", "International Monetary System" and other related concepts. The basic features of the global monetary system are determined. A key role in the regulation of international law issues arising in the course of world monetary system is indicated.

Безсумнівно, що основним явищем, яке характеризує розвиток міжнародних відносин протягом ХХ та початку ХХІ століття є перехід від інтернаціоналізації до глобалізації. І чи не найважливішою сферою яка найбільше відчула цей процес є економіка. Як справедливо зазна-